

Позавчера Сахалин отмечал очередную годовщину победы над милитаристской Японией. Убеленные сединами ветераны были главными действующими лицами на этом празднике. А сегодня один из них - гость "Твоего Дома". Встречайте его в нашей "Гостиной".

Более полувека назад
стихи на сахалинской земле залпы Второй мировой. Мы, поколение, не пережившее войну, вспоминаем о ней разве что при виде памятников, установленных на местах и в честь былых сражений. Либо в дни торжеств по случаю победы. А у тех, кому довелось пройти суровыми дорогами войны, она никогда не сотрется из памяти. Она возвращается к нам в снах и воспоминаниях. Многие события, эпизоды военного лихолетья до сих пор тревожат сердца и души ветеранов, наложив отпечаток на всю их жизнь.

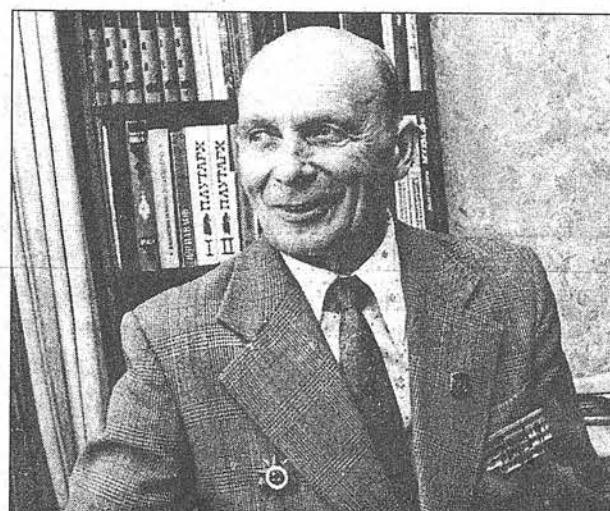
...Они лежали на большой поляне, плотно прижавшись к прохладной земле, - каждый там, где его остановил пулеметный огонь противника. Головы не поднять - видимо, у японцев был очень хороший обзор, коль они реагировали на любое движение на поляне. Уже появились первые потери: был ранен командир взвода, и погиб пулеметчик, лежавший совсем рядом с Петром. Ему словно холодом скжали сердце, когда в следующее мгновение пуля, срикошетив от станицы пулемета, пробила полевую сумку. Только дырки остались и на сумке, и на тетрадках, которые в ней лежали, - Петр был комиссаром роты, без тетрадок с различными сведениями и списками ему не обойтись.

Комбат Светецкий, поняв, что на этой поляне взводы - как на ладони, удобная мишень для вражеской пули, и что в лоб противника не одолеешь, приказал группе бойцов обойти японцев лесом, зайти им в тыл. Петр Стоцкий был в этой же группе.

Огибли место боя скрытно для врага. Вот уже они, самураи, устроились, притаились на деревьях. Без передышки бьют по нашим, увлеклись, гады, не заметили даже группы, зашедшей с тыла. Врасплох их взяли, уничтожили быстро. Но продвигаться дальше взводы все-таки не могли. Держал их шквальный огонь, поливающий из находившегося впереди, на возведенности большого бетонного дзота. Здорово все-таки укрепились япошки. Поднялись было бойцы в атаку, но, потеряв трех человек, опять залегли в ближайшем овражке. И вот тут, в овражке, боец из второго взвода, Антон Буюкли, говорит: "Я сейчас пойду и закрою собой амбразуру", - спокойно так говорит, как о чем-то обычном. "Так убьют же тебя!" - послышалось в ответ. "Убьют, так убьют, - по-прежнему спокойно, словно самому себе, говорит боец. - А вы тем временем на дзот поднимитесь и уничтожите его..."

пока японцы стреляли по Антону, мы забежали наверх дзота, посыпали с отдушин крышки и забросали его гранатами.

Антон Буюкли поразил нас своим мужеством. И разозлились мы на

японцев за его смерть так, что от ярости скрипели зубами. Потряс нас этот героический поступок. Не каждый, конечно, сумел бы так, но храбрости Антон нам прибавил.

Мой собеседник, Петр Павлович Стоцкий, ветеран той далекой войны поведал мне о многом в своей боевой биографии. Но по ходу рассказа он не раз возвращался мыслями к этому эпизоду. Видимо, и сейчас, по прошествии стольких лет, образ Антона Буюкли, пожертвовавшего собственной жизнью ради других, зrimо стоит в памяти ветерана. Да и как может быть иначе? Существует ли в этом мире, где добро соседствует со злом, нечто более высокое, чем такой нравственный подвиг?

- Еще до начала военных действий на Сахалине, - продолжает рассказ Петр Павлович, - мы были наслышаны о Харамитогском укрепрайоне. Японцы загодя готовились к войне, создали, как они считали, непреступную линию обороны.

Наш батальон с лета 1942 года стоял недалеко от реки Южная Хан-

укреплены.

Но то, что мы увидели на Харамитоге, превзошло все наши ожидания. Когда мы после того памятного боя, когда погиб Буюкли, подошли к японской деревушке, которую батальону предстояло взять, я взглянул в бинокль и поразился увиденному: сопки у подножия хребта словно ощетинились десятками больших пней от срубленных деревьев - настолько они были утыканы вражескими дзотами.

Приближались мы к позиции противника осторожно. Но, странно, он не открывал огня. И только подойдя вплотную к дзотам, мы увидели, что они пусты:

японцы по подземным ходам ушли в деревню. Однако одновременно другой наш батальон из соседнего полка обошел японцев с тыла и ворвался в деревню. Японцы теми же самыми ходами бежали, возвращаясь в дзоты, которыми мы еще не успели овладеть. Самураи открыли шквальный огонь. Наш батальон отступил и укрылся в глубоких рвах, идущих вдоль дороги. Штурмовать укрепрайон в этой ситуации было делом гибельным. Нас поддержала авиация. Бомбардировщики порядком проутили сопки. Вот теперь можно было и нам в атаку. Мы забрасывали дзоты гранатами, и самураи, не выдержав, бежали в сторону деревни. Но там уже их ждали наши бойцы. И понимая, что сопротивляться бесполезно, японцы стали выходить из подземных ходов с поднятыми вверх руками.

После взятия Харамитог батальон капитана Светецкого погрузился в вагоны и по железной дороге двинул на юг острова. Противник уже нигде не оказывал сопротивления.

На станциях вдоль железнодорожного полотна было сложено оружие, возле стояли сдавшиеся в плен японские солдаты и офицеры. Батальон дошел до Ильинска, а в начале сентября пересек Сахалин с запада на восток.

- Известие о взятии Тойохары пришло к нам, когда мы были во Взморье, - продолжает повествование Петр Павлович. - И победу наш батальон отмечал на большой сопке вблизи этого поселка. Нам подвезли горячую пищу и железную бочку водки. Мы пели и плясали всю ночь. Радовались победе неимоверно, и тут же вспоминали наших погибших друзей. Волнисту был праздник со слезами на глазах... А чуть позже мы возвратились в свои казармы, откуда 18 августа начали наступление на юг острова.

В декабре 1945 года сержант Петр Стоцкий возвратился в город Александровск-Сахалинский. Этот город, тогда еще областной центр Сахалина, стал ему родным с тех пор,

как еще мальчишкой приехал он сюда из Амурской области с матерью и младшей сестренкой в поисках лучшей доли. Здесь он после окончания школы-семилетки приобрел специальность наборщика и трудился в типографии. Здесь в первые месяцы Великой Отечественной набирал для газеты "Советский Сахалин" фронтовые сводки. Отсюда в декабре сорок первого был призван в армию. Сюда и вернулся, когда пришла пора снимать солдатские погоны. И вновь стал работать в типографии, не изменяя избранной специальности.

В Южно-Сахалинск Петр Павлович с семьей переехал в 1977 году. Давно стали взрослыми сын и дочь. Вот уже и внучка выросла, вышла замуж и живет сейчас далеко, на Украине. А один из внуков здесь, в Южно-Сахалинске, готовится к службе в армии.

Уже совсем под восемьдесят ветерану. Но он еще настолько бодр и крепок, что продолжает работать в детском саду № 28. А в свободную минуту любитходить в парк, погулять по берегу озера, сыграть несколько партий в домино со старыми друзьями.

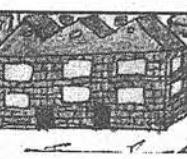
3 сентября ветераны вновь были у мемориала Славы, в память о погибших своих товарищах. Сюда они приходят при полном параде, при всех наградах. У Петра Павловича Стоцкого - орден Отечественной войны II степени и несколько медалей. Не так уж много, если сравнивать с теми, кто прошел фронтовыми дорогами от Москвы до Берлина. Но ведь у тех советских воинов, которые вот уже более полувека покоятся в братских ли, в одиночных могилах на местах боев, может быть и вовсе нет наград? А разве это умаляет их заслуги перед родной землей?

Григорий ГРУШКО.

Фото Виталия ПУСТОШКИНА.

но тонким и немного не доходил до краев. Накройте его другим листом, слегка прижмите их друг к другу и запанируйте шницели в муке, одновременно придавая ему ножом овальную форму. Затем смочите в яйце, запанируйте в сухарях.

Подготовленные таким образом шницели можно заготовить заранее (за несколько часов) и хранить в холодильнике. Перед подачей на стол обжарьте их с двух сторон и полейте растопленным маслом, сметаной, молочным или сметанным соусом.

омашняя библиотека

ИСТОКИ НАШИХ ФАМИЛИЙ

(ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ)
(Продолжение. Начало в № 1-12).

КАБАКОВ. От тюркского личного имени Кабак или от названия овоща, теперь более известного как кабачок. На юге кабаком называют и тыкву; так могли прозвать толстого, круглого человека. Наконец, Кабаком мог именоваться и содержатель кабака, трактира.

КАВЕРИН. Каверить - гимнастичать, передразнивать; отсюда ковера - тот, кто склонен к столь неблаговидному занятию.

КАЗАКОВ. Предки многих Казаковых никакого отношения к казачеству не имели. Казаком кое-где называли бойкого, удалого человека, а также батрака, который нанимался на год.

КАЛИНИН, КАЛИНКИН, КАЛИННИКОВ. Большинство носителей этих фамилий - не от названия ягоды калины, как можно было бы подумать, а от личного имени Калинник (по-гречески "добрый победитель") и его производных форм.

КАМЕНСКИЙ, КАМИНСКИЙ. От населенных пунктов по названию Камень (по-украински Камінь).

КАРАЧЕНЦЕВ. Карапанец - житель воронежского села Верхний Карапан; корочанец, или короченец, - житель города Корочи, Белгородской области. То и другое слово могло видоизмениться в карапанец.

КАРНАУХОВ. "Обкарнал он меня", - говорим мы о слишком коротко постригшем нас парикмахере. Но обкарнать ухо - это уже похуже. Карапанчик - человек с отрезанным или изуродованным ухом.

КАТАЕВ. Катать значило жить без оглядки, гулять, кутить; отсюда катай - бесшабашный, разгульный человек. (Ср. с фамилиями Закатов, Катырев, Каталыгин, образованными от того же корня.)

КАЧУРИН. Качура - очень рослый человек.

КАЩЕЕВ. Кащей Бессмертный - сказочный персонаж, алчный, высохший старик-богач. Он упоминается и в "Руслане и Людмиле" Пушкина: "Там царь Кащей над златом чахнет..." Кащеями и сейчас называют худых, тощих людей, а также скupцов. В древнерусском языке кошней - слуга, раб, прислужник.

КИРСАНОВ. Кирсан - просторечная форма имени Хрисанф. От греческого "хрисантес" - златоцветный.

КЛЮЕВ. Клюй - человек с длинным, орлиным носом, похожим на клюв.

КОКИН. Кока - крестная мать. Кокин - воспитанный не родной, а крестной матерью.

Из книги Ю.ФЕДОСЮКА
"Русские фамилии".

(Продолжение следует).

Ваш экслибрис -
на любую книгу

Если у вас есть богатая домашняя библиотека, вы дорожите ею и хотите украсить каждую книгу изящным знаком со своим именем, то закажите в фирме "Тич-Ри" индивидуальный экслибрис.

Фирма "Тич-Ри" находится по адресу: Коммунистический проспект, 1.

Справки по телефону 3-25-41.

ИЗ СЕМИ ОДЕЖЕК БЕЗ ЗАСТЕЖЕК

КАПУСТНЫЕ КРОКЕТЫ

на 1 кочан капусты (1-1,2 кг) - 2 столовые ложки муки, 0,5 стакана молока, 1-2 яйца, 3-4 чайные ложки манной крупы, молочные сухари или мука для панировки, 40-50 г сливочного масла или маргарина, фритюр для жарения.

Очистите кочан от верхних листьев, нацинкуйте, припустите в молоке (молоко предварительно вскипятите, посолите и добавьте в него немного сливочного

масла, чтобы не свернулось). Припустите, перемешивайте время от времени. Когда капуста станет мягкой, влейте в нее густой молочный соус и доведите до кипения. Охладите массу до 40 градусов, добавьте сырье яйца, всыпьте манную крупу, перемешайте. Разделайте массу на небольшие шарики (крокеты), обвалийте их сначала в муке, затем в сырье яйце, потом в молотых сухарях и обжарьте во фритюре.

Подавая, полейте крокеты сметаной или оставшимся молочным соусом.

КАПУСТНЫЕ ШНИЦЕЛИ

Кочан капусты средней величины с целыми неповрежденными листьями зачистите, вымойте, острым ножом вырежьте кочерыжку так, чтобы кочан распался. Отварите подготовленный кочан целиком до полуготовности в подсоленной воде. Затем, дав капусте остыть, разберите ее на листья. Утолщенные места слегка обейте или аккуратно срежьте ножом. Капустный лист смажьте густым молочным соусом так, чтобы слой соуса был равномер-